

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК. 94 (47)

DOI: 10.17223/19988613/46/1

О.А. Милевский

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЫСТРЕЛА: САМОУБИЙСТВО А.А. КРОПОТКИНА

Противостояние власти и оппозиционно настроенной части общества в пореформенный период имело в России очень острый характер. В данной статье на основании ранее не использованных документов из архивохранилищ (Томска и Минусинска) и при использовании методологии микроистории на примере трагической судьбы административно сосланного в Сибирь А.А. Кропоткина рассматривается работа карательных органов самодержавия, направленных в первую очередь на борьбу с любыми проявлениями инакомыслия. Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни, общественно-политическим взглядам А.А. Кропоткина, установлению причин его высылки в Сибирь, а также выяснению подробностей его пребывания в ссылке и причин, приведших его к самоубийству. На основе изученного материала автор пришел к выводу о том, что судьба А.А. Кропоткина является во многом типичной для поколения русской интеллигенции 1870-х гг., желавшей отдать свой нравственный долг народу, но оказавшейся при помощи царского репрессивного аппарата выброшенной на обочину активной общественной жизни. В дальнейшем это имело самые печальные последствия и для судеб России, приведя в конечном итоге к революциям 1917 г. и смене всего общественного строя.

Ключевые слова: А.А. Кропоткин; революционное народничество; административная ссылка; Минусинский музей; Томск.

История противостояния российского самодержавия и оппозиционных ему сил в последней трети XIX в. носила очень ожесточенный характер. В борьбе с инакомыслием властью очень часто применялись внесудебные расправы, том числе и административная высылка, о которой американский публицист Дж. Кеннан писал в весьма уничижительной тональности: «Ссылка административным порядком означает изгнание нежелательного человека из одной части империи в другую без соблюдения каких-либо юридических формальностей, которые в большинстве цивилизованных стран предшествуют лишению прав и ограничений личной свободы. Человек этот может быть невиновен в совершении какого-либо преступления и не нести ответственности перед государственными законами, но если, по мнению местных властей, его пребывание в определенном месте “вредно для общественного порядка” или “несовместимо с общественным спокойствием”, он может быть арестован без ордера на арест, помещен в тюрьму на срок от двух недель до двух лет и затем насильно вывезен в любое место в пределах империи и определен под надзор полиции на срок от одного года до десяти лет» [1. Т. 1. С. 233]. (Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.)

Очень часто жертвами подобного рода политических расправ становились не только революционеры, но и сочувствующие им лица, а иногда и совершенно случайные «попутчики движения», силой обстоятельств оказавшиеся в эпицентре кипения политических страстей. Именно к таковым и принадлежал Александр Алексеевич Кропоткин, старший брат известного анар-

хиста П.А. Кропоткина. Судьба этого яркого и неординарного человека, оказавшегося в числе административно высланных в «места не столь отдаленные», сложилась трагически – в ссылке он покончил жизнь самоубийством.

Целью данной статьи является комплексное выяснение обстоятельств, послуживших причиной рокового выстрела.

А.А. Кропоткин родился в 1841 г. в Москве в аристократической семье, уходящей корнями к роду Рюриковичей, который вел начало от внука Ростислава Мстиславовича Удалого [2. С. 11]. В огромном московском доме, находящемся в Старом Конюшенном переулке, и прошло детство Александра [Там же]. Казалось бы, для детей, родившихся в столь родовитом семействе, все расписано наперед: мальчики, скорее всего, будут делать карьеру по военной или в крайнем случае по гражданской линии, а девочки заключат удачную партию и выйдут замуж.

Первоначально так оно и было. Осенью 1852 г. А. Кропоткин поступил в Московский кадетский корпус. Пребывание в корпусе быстро содействовало его интеллектуальному развитию. Особенное влияние на него оказал тогда профессор Н.С. Тихонравов, преподававший в корпусе историю и русскую словесность [3. С. 106–107]. Да и сама политическая атмосфера в России после смерти Николая I изменилась. В общественной жизни наступила некоторая «оттепель», что сказалось в том числе на поступлении из Европы новых книг, оказывавших серьезное влияние на формирование новых идейных установок в отечественной литера-

туре и, как следствие, на появление новых веяний в жизни общества.

Сложно не согласиться с мнением П. Кропоткина, отмечавшего, что «годы 1857–1862 были <...> эпохой умственного пробуждения России. Все то, о чем поколение, представленное в литературе Тургеневым, Герценом, Бакуниным, Огаревым, Толстым, Григоровичем, Островским и Некрасовым говорило шепотом в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать» [2. С. 124]. К концу 1850-х – началу 1860-х гг. властителями дум молодежи становятся журналы «Современник» и «Русское слово», а одной из любимых публицистических тем была пропаганда научного знания и в первую очередь естествознания. Увлечение наукой не миновало и А. Кропоткина, в частности в тот период времени его очень увлекала эволюционная теория Ч. Дарвина [Там же. С. 99]. Причем он не просто интересовался наукой, она стала для него смыслом всей его жизни.

В своих письмах брату Петру, с которым он был очень близок, Александр всячески ратовал, например, за изучение немецкого языка, «на котором есть не только богатая литература, но и существуют переводы всякой книги, имеющей научное значение» [Там же. С. 86]. Желание поделиться с младшим братом вновь обретенными научными знаниями было столь велико, что А. Кропоткин периодически совершал тайные ночные отлучки домой для встреч и общения с братом [Там же. С. 101]. В это же время А. Кропоткин познакомился со статьями А.И. Герцена «С того берега» и другими его работами, напечатанными в «Полярной звезде». Эти же тексты он показывал и брату [Там же. С. 125]. То есть социальное мировоззрение братьев Кропоткиных формировалось в сложную и переломную эпоху начала царствования Александра II. И оба активно впитывали новые идеи, пропагандируемые демократически настроенными изданиями. В таких условиях о службе ради карьеры для них речь уже не шла, во главу угла ставились служение науке и превращение в «мыслящего реалиста» с целью принесения практической пользы Родине и своему народу.

Поэтому вполне понятным становится выбор А. Кропоткиным для продолжения своего образования Московского университета, куда он определился вольнослушателем в 1860 г. Однако подобный поступок испортил его отношения с отцом, человеком старой формации. Из воспоминаний П. Кропоткина: «Отец всегда был суров и несправедлив к Александру» [Там же. С. 238]. Поэтому в дальнейшей жизни А. Кропоткину приходилось рассчитывать преимущественно на свои силы.

В стенах университета состоялось и первое столкновение А. Кропоткина с полицией в ходе студенческих беспорядков 1861 г. [Там же. С. 148]. После окончания курса университета он поступил на службу в Иркутский казачий полк. Там же, в Иркутске, он по любви женился на Вере Севастьяновне Беринде-Чайковской. Пребыва-

ние на Байкале подготовило ему и первое серьезное мировоззренческое испытание. В 1866 г. вспыхнуло восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте, но, к счастью, подразделение полка, в котором служил А. Кропоткин, не было привлечено к подавлению этого выступления. Однако этот случай в реальной плоскости поставил перед ним вопрос о его будущем. Впитавший в себя демократические настроения эпохи 1860-х гг., А. Кропоткин не мог не понимать, что русская армия является инструментом в руках власти, чью политику он не разделял. Поэтому вскоре он оставил военную службу и покинул Сибирь.

Стремясь послужить своей стране на почве готовящейся судебной реформы, он в 1867–1869 гг. проходил обучение в Военно-юридической академии, а затем некоторое время служил в Военно-судебном управлении. Но, по-видимому, окончательно разочаровавшись, уже в феврале 1870 г. А. Кропоткин перешел в телеграфный департамент МВД, в котором он прослужил до октября 1871 г., вплоть до своего окончательного выхода в отставку в чине титулярного советника [4. С. 288]. Тогда же он решил вместе с семьей перебраться за границу, чтобы полностью посвятить себя научным занятиям. Его с юношеских лет очень интересовала астрономия.

Отъезд за границу состоялся в 1872 г. А. Кропоткин с женой поселился в Швейцарии, в Цюрихе. В то время Швейцария была центром международной политической эмиграции, и А. Кропоткин, кроме того, что занимался самообразованием, естественным образом и в силу своих демократических убеждений общался с эмигрантами, среди которых были не только русские, но и французы, поляки и др. За границей у него установились хорошие отношения с П.Л. Лавровым, тогда уже человеком с революционным именем – автором знаменитых «Исторических писем».

Естественно, что места скопления русских эмигрантов в Женеве, Цюрихе и Берне находились под пристальным вниманием агентов III отделения Е.И.В. Канцелярии. Однако А. Кропоткина это не останавливало. Искренне убежденный в том, что политические свободы – это неотъемлемая часть жизни человеческого социума, он и не стремился особенно таиться в своих мыслях и контактах. Во многом столь явное игнорирование им «политических табу», существовавших в России, было связано и с его воспитанием – аристократ по рождению, он нес на себе отпечаток родовой гордыни, которая была присуща тем дворянским родам, которые по древности и происхождению не уступали, а подчас и превосходили Романовых. Из таких семей в России порой выходили крупные бунтарские натуры, исповадовавшие неповиновение власти; вспомним тех же декабристов, М.А. Бакунина, Д.А. Лизогуба, С.Л. Перовскую и др.

Сочетание «аристократической породы» и идейного демократизма породили у А. Кропоткина независимость суждений и поступков и нежелание проги-

баться под те политические порядки, которые он не одобрял. Все это в дальнейшем будет дорого ему стоить. Хотя в действительности никаким революционером он не был. Его мировоззрению были чужды кровь и насилие, которые приносят революции, для этого он был слишком западником. П. Кропоткин характеризовал его взгляды следующим образом: «Он не верил в возможность народной революции, и сама революция представлялась ему как действие организованного представительства народа, Национального Собрания и смелых “интеллигентов”. <...> Его изящную, философски-художественную натуру, вероятно, корбило от прикосновения толпы, обнищало, иногда высоко настроенной, но иногда и грубой. <...> Он понимал социалистическую агитацию, как она ведется в Западной Европе: образованные вожаки, увлекающие толпу на митингах, организующие ее. <...> Вообще брат Саша не был народником-революционером. Социалист по убеждениям, он, попавши за границу, душою был с Интернационалом, но с более умеренною его фракциею» [2. С. 312–313].

Тем не менее, проживая вполне легально в Швейцарии и не являясь политическим эмигрантом, он оказался в списке неблагонадежных. Например, в справке III отделения, составленной в 1872 г. в связи с ходатайством издателей «Недели» об утверждении А. Кропоткина редактором этого издания, говорилось, что «отставной титулярный советник А.А. Кропоткин представляется такой личностью, которой не может быть дозволено редактирование каких бы то ни было журналов и газет» [5. С. 49].

23 марта 1874 г. произошло событие, в корне изменившее всю его дальнейшую жизнь. В этот день за участие в пропаганде среди рабочих был арестован его младший брат Петр – член кружка «чайковцев». И здесь следует отметить, что в отношении арестантов из родовитых семей реакция правящего класса была особенно жесткой. На измену «своих», по крови и социальному статусу, Романовы смотрели всегда сквозь призму личного оскорбления и действовали по отношению к таким людям крайне мстительно и жестоко, так поступал Николай I с декабристами, подобным же образом действовал и Александр II.

В том же случае с П. Кропоткиным последовало заключение в одиночку Петропавловской крепости и содержание его в первое время в очень строгих условиях не только в режиме полного одиночества, но и без книг и передач с воли. Арест любимого брата побудил к действию и А. Кропоткина. Хотя реально он мало чем мог помочь, но и оставаться в бездействии ему не позволяло совесть и братский долг. В результате в июле 1874 г. он возвратился в Россию. А. Кропоткин даже сумел пробиться в тюрьму на свидание с братом, но это было последнее, что ему удалось сделать. В декабре 1874 г. его самого арестовали.

Для российских властей доказательством крайней неблагонадежности А. Кропоткина стало перехва-

ченное III отделением еще в июле 1874 г. письмо к П. Лаврову, отправленное, видимо, в период пребывания А. Кропоткина за границей. В нем он просил адресата опубликовать текст составленного им агитационного документа, названного впоследствии «Программа революционной пропаганды». В силу своей политической наивности и убежденный в том, что в Европе гарантированы тайна переписки, А. Кропоткин доверил тексту этого письма слишком много, за что и поплатился. Непосредственной же причиной обыска и последовавшего затем ареста стало другое перлюстрированное его письмо от 24 декабря 1874 г., в котором сообщалось об ужесточении репрессий и росте революционных настроений в стране [6. С. 81].

Некоторые подробности его ареста описал впоследствии С.М. Степняк-Кравчинский: «У него произвели обыск. Не было обнаружено ничего подозрительного, но князь был так неосторожен, что не скрыл своей досады по поводу вторжения в его дом, обращался с прокурором и жандармами недостаточно любезно и, как говорят, сказал им несколько теплых слов» [7. С. 166].

А поскольку непосредственно А. Кропоткин в революционной борьбе участия не принимал, не числился ни в одном революционном кружке, не ходил в народ и т.д. и, учитывая то обстоятельство, что данные о его контактах с революционным лагерем были получены незаконным путем и не могли быть преданы огласке, его дело, как и множество других подобных дел, было решено во внесудебном административном порядке. По Высочайшему повелению в мае 1875 г. его выслали административным порядком в Минусинск Енисейской губернии [4. С. 288]. Официальная формулировка гласила: «За вредное направление и крайние убеждения в политическом отношении» [8. Л. 7 об]. Так началась его более чем 11-летняя «сибирская одиссея», закончившаяся роковым выстрелом.

Минусинск представлял собой «типичный сибирский городок – серенький, невзрачный. Здесь все серо: улицы, стены, крыши домов, заборы» [9. С. 42]. Однако при внешней неказистости и удаленности от центра империи город, а значит, жизнь в нем, имела свои плюсы. В первую очередь это здоровый климат. Вторым явным достоинством можно считать наличие определенного культурного ландшафта. Особенно значимыми стали для города 70-е гг. XIX в. В этот период его истории благодаря подвижнической деятельности провизора Н.М. Мартьянова и при поддержке местной Думы 10 января 1877 г. официально открылся Минусинский музей [10. С. 47], а 12 января 1878 г. вслед за музеем начала работать библиотека.

Активнейшую роль в подготовке к открытию музея сыграл и А. Кропоткин, которого увлек этим проектом Н.М. Мартьянов. Н. Мартьянов одним из первых понял, какие возможности таит в себе интеллектуальный потенциал политических ссыльных, и стал стараться

всемерно привлекать их к музейным делам. Такая практика себя полностью оправдала уже на начальном этапе существования музея, когда для работы в нем Н. Мартыанов привлек А. Кропоткина, остававшегося до отъезда в Томск бессменным научным секретарем музея. Поддерживал Н. Мартыанов А. Кропоткина и в его увлечении астрономией, между ними установились самые дружеские отношения, не прерывавшиеся до самой смерти последнего. Но даже обретение возможности для научных занятий полностью не примиряло А. Кропоткина с действительностью

Для него ссылка в Сибирь уже сама по себе была серьезным испытанием, а ощущение несправедливости приговора, которому он был вынужден подчиниться, являлось вечным раздражителем при общении с местными властями. К тому же ситуацию усугубляли постоянные опасения за финансовое благополучие семьи. В силу своих бытовых привычек и поведенческих стереотипов Кропоткина очень много тратили, и это несмотря на достаточную дешевизну жизни в Минусинске. Так, например, в этом городе, хороший деревянный одноэтажный дом в четыре комнаты с прихожей и кухней можно было нанять за 10 руб. в месяц [11. С. 260].

Однако даже дешевизна жизни не помогала. Дело в том, что, невзирая на присущий А. Кропоткину демократизм и врожденную человеческую порядочность, он сохранил в своем характере те аристократические привычки, которые были привиты ему с детства. В том числе это относилось и к организации семейного уклада. Так, по прибытии к месту ссылки А. Кропоткин для своей небольшой семьи арендовал двухэтажный дом [1. Т. 1. С. 262]. Знакомство с вновь прибывавшими политссыльными он начинал с настоящих визитов в стиле английского джентльмена, чем очень смущал последних. Не желая менять своих привычек и в ссылке, он продолжал жить на широкую ногу. «При всем своем демократизме, – вспоминал И. Белокопский, – он не мог отказаться от множества привычек, как, например, держание лошадей в городе, который, как говорится, можно было переплюнуть и т.п.» [11. С. 270]. Вызывал он удивление у политссыльных и устраиванием вечеров, куда активно приглашались не только они, но и в большом количестве знакомые Кропоткиным местные обыватели. Причем эти барские причуды никак не мешали Александру Алексеевичу поддерживать самые теплые отношения со своими товарищами по ссылке. Средства для жизни семья Кропоткиных черпала из двух источников. Один из них – это присылаемые доходы от имения, и вторая, менее регулярная составляющая – это его заработки от сотрудничества на литературной ниве, т.е. переводы и статьи для различного рода изданий. Благо кое-какие литературные связи в столице у него оставались.

Казалось бы, валютящая жизнь в небольшом городке на юге Сибири даст возможность А. Кропоткину более-менее спокойно дотянуть до конца ссылки и от-

правиться в Европейскую Россию. Однако в силу ужесточения противостояния революционеров и власти в конце 1870-х – начале 1880-х гг. жизнь политических ссыльных также начала меняться в сторону «закручивания гаек». Против того же А. Кропоткина играло еще и то обстоятельство, что его родной брат Петр 30 июня 1876 г. успешно бежал из Николаевского госпиталя и скрылся за границей; возможно, именно поэтому в ответ на прошение сестры А. Кропоткина Елены, поданное царю через двоюродного брата Дмитрия, являвшегося тогда харьковским губернатором, Александр II ответил: «Пусть посидит!» [2. С. 332].

После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и создания Верховной распорядительной комиссии во главе с М.Т. Лорис-Меликовым перед А. Кропоткиным, казалось бы, забрезжила надежда на положительное разрешение вопроса об окончании ссылки. Но и в то время, когда дела многих административно высланных пересматривались, он рассматривался властью в качестве некоей искупительной жертвы за то, что его брат незаконным образом обрел свободу. Новая комиссия, созданная при М.Т. Лорис-Меликове, добавила ему еще 5 лет пребывания в ссылке [Там же. С. 456].

Естественно, что психологическое состояние А. Кропоткина от этого не улучшалось, раздражение действиями властей нарастало, причем эта ненависть переносилось с центральной власти на местных исполнителей ее предписаний. К тому же ужесточение режима для политссыльных напрямую затронуло и его. В 1880 г. при новом исправнике в Минусинске А. Кропоткина, как и других ссыльных, обязали каждый день ходить отмечаться. Это решение было воспринято им как очередное наступление на его и без того поправленные права. Воспитанный в духе дворянского кодекса «честь дороже жизни» Александр Алексеевич наотрез отказался ходить к исправнику на отметку, заявив, что «после того, как меня несправедливо выслали в Сибирь, я не намерен помогать властям осуществлять надзор за мною. Я не намерен являться в полицейское управление» [1. Т. 2. С. 292].

Конфликт вышел на уровень губернатора, и перед А. Кропоткиным забрезжила еще более мрачная перспектива высылки «в места еще более отдаленные». Его апелляция к генералу К.Н. Шелашникову, тогда временно исполняющему обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири, с которым Александр Алексеевич некогда был в хороших отношениях, казалось бы, давала ему надежду, но пока тянулось дело, был назначен новый генерал-губернатор Д.Г. Анучин, ответивший на прошение А. Кропоткина, поданное через его мать в том смысле, что «если бы ее сыну воздать по заслугам, то он подметал бы улицы в каком-нибудь сибирском городке под присмотром полицейского, а не разгуливал на свободе» [Там же].

Тогда же, в апреле 1880 г. А. Кропоткин обратился к М.Т. Лорис-Меликову с прошением об отмене унизи-

тельного распоряжения о ежедневной явке в полицию, но также безрезультатно [5. С. 51]. Бездушная карательная машина, винтиками которой выступали царские чиновники, подминала личность сосланного, ни с чем не считаясь.

В такой ситуации перед А. Кропоткиным воочию маячила перспектива оказаться высланным в Туруханск, за полярный круг. Он сам был готов понести такую жертву и уговаривал жену вернуться с маленьким сыном в Европейскую Россию с тем, чтобы он один отбыл в Туруханск. Однако мольбы горячо любящей его женщины и ее желание последовать за ним, оставив маленького ребенка на воспитание друзьям в Минусинске, и это при том, что одного ребенка они уже потеряли, заставило А. Кропоткина изменить своим принципам и согласиться на унижительные для его самолюбия отметки у исправника. Возможно, именно тогда ощущение полной бесправности и незащищенности перед давлением власти впервые заставило его задуматься о самоубийстве. Позднее в разговоре с Дж. Кеннаном он говорил: «После этого (имея в виду желание супруги ехать с ним. – *О.М.*) мне не оставалось ничего другого, как пустить пулю в лоб или уступить, и я уступил» [1. Т. 2. С. 293].

В такой обстановке проходило окончание его ссылки в Минусинск, когда власти по постановлению Особого совещания от 8 марта 1882 г. решили перевести его в Западную Сибирь в Томск [4. С. 288], заодно добавив к его сроку еще 5 лет. Официально отсчет нового срока начался с 9 сентября 1881 г. и заканчивался 9 сентября 1886 г. [8. Л. 7 об]. Небольшим плюсом ситуации было только то, что Томск являлся губернским городом и возможности для интеллектуальной деятельности и заработка там повышались.

Однако при весьма расточительном ведении хозяйства переезд в намного более дорогой для жизни город таил в себе и риск окончательного банкротства. Тем более, что семья его расширилась – с ним в Томск прибыла жена и двое детей: сыновья Николай 4 лет и годовалый Михаил. По прибытии при заполнении полицейской анкеты А. Кропоткин на вопрос «Имеет ли средства существования и в чем они заключаются?» ответил: «Имею за различными другими расходами 800 рублей в год от имения» [Там же. Л. 11 об].

В Томске он сразу тесно сошелся с редакцией «Сибирской газеты», вокруг которой группировались политические ссыльные. Поведенческая модель, которой А. Кропоткин придерживался в Томске, по сравнению с Минусинском, не изменилась. Из воспоминаний С.Л. Чудновского: «В отношении к колонии политических ссыльных князь Кропоткин был прекрасный и донельзя корректный и безукоризненный товарищ, сохраняя всюду и всегда в сношениях с ними образцовое джентльменство. Прибыв в Томск, Александр Алексеевич прежде всего сделал визиты всем членам колонии без исключения. В новый год и на пасху он обязательно обходил всех с визитами, усиленно приглашая к

себе всех. Всегда и во всяком случае он радушно принимал у себя всех политических ссыльных, обильно угощая каждого, всячески стараясь не давать чувствовать своего превосходства в каком бы то ни было отношении» [12. С. 257].

Все это, несомненно, требовало средств, а сотрудничество с «Сибирской газетой» реального заработка не давало, поскольку «издание газеты и работа в ней считалась <...> выполнением гражданского долга, а не источником заработка. <...> Даже многочисленная группа появившихся впоследствии корреспондентов из политических ссыльных, едва перебивавшихся с хлеба на квас, первые годы не получали за доставляемый материал никакого, или почти никакого вознаграждения» [13. С. 38]. А уж А. Кропоткин и в силу своего воспитания не мог претендовать на какое-то особое отношение, учитывая те нелегкие условия, в которых пребывали остальные ссыльные.

Поэтому, чтобы как-то компенсировать немалые для семьи расходы, ему пришлось еще искать службы. В одном из его писем говорится, что он служил у какого-то знакомого, по-видимому, купца, по гражданской части за 40 рублей в месяц [14. Л. 1 об]. И все же, несмотря на то, что по сравнению с остальными политическими Кропоткины были обеспечены неплохо, большие траты и неаккуратное, постоянно уменьшавшееся поступление денег от сдаваемого в аренду имения [12. С. 256] доставляли А. Кропоткину постоянное беспокойство, к тому же в Томске у них родился еще один ребенок – дочь Верочка.

Лучше всего о тревожных рефлексиях А. Кропоткина относительно финансового будущего семьи свидетельствуют фрагменты его переписки с Н. Мартьяновым. Так, в письме от 5 июля 1885 г. он сообщал, что они наняли новую квартиру на Дворянской улице, в доме Мясникова, так как «прежняя одолела своею теснотою особенно после рождения Верочки и приходится теперь платить 25 рублей в месяц вместо 17-ти, но ничего сколько-нибудь подходящего за более дешевую плату не нашел. Надеюсь, что буду в зимний сезон писать, благо буду иметь почти совершенно отдельный кабинет» [15. Л. 2 об]. И далее он указывал, что «в прошлом году прожили 3 000 рублей и на что ума не приложу» [Там же].

Двойственность, присущая характеру А. Кропоткина, причудливо сочетавшего демократизм с приверженностью аристократическим привычкам, сказывалась и на жизни в Томске. Очень меткую характеристику дал ему С.Л. Чудновский: «По убеждениям своим он был несомненный и безусловный демократ, но в то же время он инстинктивно до мозга костей проникнут был сознанием своей родовитости». И не раз приводил товарищей по ссылке «в чрезвычайно веселое настроение, когда в пылу раздражения и полемики с разными представителями власти он принимался доказывать им, что они недостойны даже того, чтобы он с ними говорил, ибо он – “Рюрикovich”» [12. С. 257].

Подобная форма общения с местными властями и в особенности с жандармскими, в отношении которых он был всегда «крайне резок и неуступчив, часто заявляя, что говорит с ними лишь в силу необходимости и с отвращением» [12. С. 257], изрядно осложняла его жизнь в ссылке.

В результате два эти обстоятельства – постоянное опасение за то, что семья останется без средств к существованию, и ощущение полного политического бесправия перед бездушным полицейским государством – являлись факторами, постоянно угнетающе действовавшими на психику А. Кропоткина. Огромную психологическую поддержку оказывала ему его семья и особенно жена Вера Севастьяновна, которую он горячо любил. Однако и это в полном объеме не могло компенсировать А. Кропоткину ощущения того, что жизнь его безвозвратно проходит и он лишен не только свободы передвижения и права заниматься литературным трудом под собственным именем, но и не имеет возможности в полном объеме реализовать свой научный потенциал.

Как ни странно, но именно известие о скором окончании ссылки и возможности выезда в европейскую часть России вызвали новый приступ депрессии у А. Кропоткина, порожденной в первую очередь отсутствием реальных перспектив в будущем. Да и ранее на него обрушивалось нечто подобное, об этом, например, сохранилось свидетельство П. Кропоткина: “Порою мною овладевает фаустовская тоска”, – писал мне он [А. Кропоткин. – *О.М.*]» [2. С. 458].

Хотя бы фрагментарно восстановить цепь событий, приведших А. Кропоткина к роковому выстрелу, позволяют его письма к Н. Мартынову, написанные в марте – июне 1886 г. Так, в письме от 17 марта он казался еще вполне уравновешенным в своих суждениях, хотя и не скрывал некоторых опасений за будущее. В частности, он писал: «Принял уже некоторые меры к тому, чтобы осесть где-нибудь (в России или за границей) получить какое-нибудь “место”. Не знаю, что-то выйдет, ибо знакомых-то можно сказать, никого нет. А денег осталось только на проезд, обзаведение на новом месте и проживание 2300 рублей сейчас. Один проезд будет стоить 450 рублей, да обзаведение на новом месте надо хоть 150 р. так, что на “прожитие” собственно, до неопределенного срока, остается только 1700 рублей» [16. Л. 1 об]. Далее из письма видно, что проблема отъезда волновала его не только из-за денег, но беспокоили его и возможные болезни детей и наличие достойных попутчиков для жены в дороге, они планировали отъезд «отсюда 3-го или 4-го пароходом, т.е. в самом начале июня <...> и уже никак не позже 10 /VII она выедет, хотя бы и без попутчиков» [Там же. Л. 2 об].

Следующее из сохранившихся писем датировано 6 июня. Текст его на первый взгляд тоже вполне позитивный в психологическом плане. А. Кропоткин сообщал своему корреспонденту о болезни дочери, у которой солитер, и просил о консультации у доктора

С.В. Мартынова из политссыльных, проживавшего в Минусинске, здесь же он указывал, что лечение по рекомендации доктора будет проходить уже в Волчанске (Харьковская губерния. – *О.М.*), куда его жена с детьми отправляется 13 июня. Однако далее в письме звучали и тревожные нотки: «Куда сам перейду, пока еще не знаю. Одно верно, что будет страшная тоска», и далее идут уже тревожные размышления о будущем: «Будущее наше еще не определилось. Вчера получил письмо от Elise Reclly (Э. Реклю – французский географ, друг братьев А.А. и П.А. Кропоткиных. – *О.М.*). Он обратился в Париж и Лион не знаю, что выйдет» [14. Л. 2 об]. Далее он делился сомнениями о поступившем ему предложении о переезде в Тифлис; по прикидкам А. Кропоткина место ему нужно, «если в малом городе, то на 60 р. в месяц, а если в большом, то м.б. и на 100 руб. в месяц». Из заключительных строчек письма видно, что тревожность его нарастала: «Но за сим, пока, ни откуда никаких ни призывов, ни обещаний. Разве еще откликнется один знакомый Станюковича, к которому Стан [анюкович] писал. А больше не к кому и обратиться. – Двое, трое, отказали» [14. Л. 3].

Видно, что негативные эмоции, вызывавшие депрессивное состояние у А. Кропоткина, накапливались. При этом, по-видимому, ему приходилось их еще и скрывать, чтобы не волновать супругу с детьми перед отъездом. А отъезд семьи сказался на его психическом состоянии самым пагубным образом. Оставшись один на один с терзавшими его душу мыслями, он окончательно впал в депрессию или ту самую «фаустовскую тоску», сопровождавшуюся суицидальными настроениями. Об этом свидетельствовал и С.Л. Чудновский, живший в то время недалеко от А. Кропоткина: «Разлука с семьей сильно подействовала на него. Он страшно захандрил и затосковал. Будущее стало рисоваться ему в самых мрачных красках. Его все чаще стал пугать призрак надвигающейся нищеты. <...> Чем ближе приближался срок его ссылки (она оканчивалась 9 сентября 1886 г. – *О.М.*), тем сильнее он хандрил и, наконец, не совладав с собой, в припадке отчаяния выстрелил себе в висок» [12. С. 258].

Причем ситуацию усугубляло и еще одно обстоятельство – в день рокового выстрела, произошедшего около 9 часов вечера 25 июля 1886 г., А. Кропоткин употреблял алкоголь, о чем свидетельствует полицейский рапорт пристава I части г. Томска: «Покойный А.А. Кропоткин в последнее время вдавался в тоску и перед смертью пил вино» [8. Л. 18]. Проведенное полицейское дознание установило случай самоубийства, и через 3 дня колония политических ссыльных и редакция «Сибирской газеты» при большом стечении обывателей торжественно похоронили А. Кропоткина на томском городском кладбище.

Так окончил свою жизнь человек, который, по оценкам людей, хорошо его знавших, «очень много дал бы науке, если бы не жестоко-несправедливая русская действительность, не шадящая ни знаний, ни таланта»

[1. Т. 2. С. 295]. Такое же впечатление он произвел и на встречавшегося с ним американского журналиста Дж. Кеннана, отмечавшего, что «со смертью князя Кропоткина Россия потеряла честного человека, даровитого ученого, истинного патриота и благородного джентльмена» [Там же]. Причем, оценивая его политические взгляды, все тот же Дж. Кеннан с недоумением подчеркивал: «Хотя Кропоткин был сослан в Сибирь по обвинению в нелояльности, он не был ни нигилистом, ни революционером, ни даже крайним радикалом. В Америке или даже Западной Европе его взгляды по социально-политическим вопросам сочли бы весьма умеренными» [Там же. С. 290].

Фактически ничем не мотивированная 11-летняя ссылка в Сибирь А. Кропоткина была не более чем мстостью правящего класса одному из своих представителей, который по отношению к нему являлся диссидентом. Оставаясь демократом и поборником широко трактуемых политических свобод, а также имея брата-революционера, А. Кропоткин в результате и стал объектом пристального внимания российской «полицейской машины».

Его участь не была чем-то оригинальным. В той или иной степени жертвами карательного аппарата само-

державия становились многие честные и образованные люди России, в чьей благонадежности правящий режим выражал хотя бы минимальные сомнения, а ведь немалая часть из числа административно сосланных представителей образованного слоя хотела именно служения на благо Родины, а не революции, но в результате противостояния с российским самодержавием оказалась под пятой полицейского государства. Репрессиями правительства они были быстро изолированы от участия в общественных процессах, пополнив в дальнейшем, в основном после ссылки, ряды земских статистиков, врачей и прочих.

Недальновидность самодержавия, мелочное мстительное желание обслуживавших его чиновников покарать и наказать злоумышленников, явных и таковыми являвшихся только в болезненном восприятии властей, имела в дальнейшем очень тяжелые последствия для Империи, направив ее историческую судьбу по порочному кругу насилия между властью и обществом, что в итоге привело к падению монархии и кровавому хаосу революций 1917 г., Гражданской войны и, как результат, к полной смене общественного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. Т. 1, 2.
2. Кропоткин П.А. Записки революционера. М. : Мысль, 1990. 526 с.
3. Петр и Александр Кропоткины. Переписка. М. ; Л. : Изд-во Academia, 1932. Т. 1. 274 с.
4. Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. М. : Памятники исторической мысли, 2009. Т. 2. : 1870-е. С. 287–288.
5. Гапчочко Л.В., Старостин Е.В. Архив П.А. и А.А. Кропоткиных // Записки отдела рукописей ГБЛ. М. : Государственная библиотека им. В.И. Ленина, 1973. Вып. 34. С. 5–70.
6. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М. : Наука, 1972. 224 с.
7. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1987. Т. 1. С. 20–338.
8. Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1329.
9. Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб. ; М., 1895. Т. 12 : Восточные окраины России. Ч. 1 : Восточная Сибирь. С. 19–51.
10. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1902. 210 с.
11. Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. 402 с.
12. Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 304 с.
13. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
14. Минусинский краеведческий музей. Основной фонд (далее – МКМ ОФ). Д. 10655 /20.
15. МКМ ОФ. Д. 10 627 /9.
16. МКМ ОФ. Д. 10655 /19.

Milevskiy Oleg Anantolevich, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

THE HISTORY OF ONE SHOT: A.A. KROPOTKIN'S SUICIDE.

Keywords: A.A. Kropotkin; the revolutionary narodnik movement; administrative exile; the Minusinks museum; Tomsk.

The conflict between state political departments and opposition part of society could be characterized as system in the last third of XIX century. In this work such conflict was showed on example of the tragic destiny of political exile A.A. Kropotkin who committed suicide in summer 1886 in Tomsk. The main goal of this article was a complex research of all factors which were the reason of death shot. The article is based on the documents of Tomsk and Minusinsk archives, memoirs of witnesses. The analyses of social and political views of A.A. Kropotkin showed us that he was typical moderate liberal in west variants but not revolutionary. He became object for suspicion by Third Department after his travel in oversea when he contacted with political emigrations. His brother P.A. Kropotkin has taken part in revolutionary movement. It was one more reason for special attention from the Third Department to A.A. Kropotkin. As a result he was arrested and exiled in Western Siberia. A.A. Kropotkin showed active position against unjudicial pronouncement when he was in Minusinsk and Tomsk. As a result of such position his exile was increased. Being afraid of financial ruin, worrying about destiny of the family and not seeing application of his intellectual potential further A.A. Kropotkin had fallen into depression and as a result committed suicide. It was tragic end for man who could make a lot of good thing as citizen and scientist – marked George Kennan. As a scientists A.A. Kropotkin could not realize his knowledges and abilities because of life circumstances. On the basis of the studied material the author came to the conclusion that A.A. Kropotkin's destiny is typical for Russian intellectuals of 1870th wished to repay the moral duty to the people, but appeared thrown out on a roadside of public life by the imperial repressive actions. Poor judgement, vengeful attitude of policemen and their wish to punishment criminals who often exist only in their dreams had tragic sad consequences for

Russian Empire: circle of violence between government and society which led to the fall of monarchy and bloody chaos of 1917 revolutions and as a result to the change of all social order.

REFERENCES

1. Kennan, J. (1999) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.)* [Siberia and the Exile System. Travel notes (1885–1886 gg.)]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentra BLITS.
2. Kropotkin, P.A. (1990) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow: Mysl'.
3. Kropotkin, P.A. (1932) *Petr i Aleksandr Kropotkin. Perepiska* [Petr and Aleksandr Kropotkin. Correspondence]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia.
4. Lyashenko, L.M. (ed.) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Spravochnik i elektronnyaya baza dannykh. Vtoraya polovina 1850-kh – 1890-e gg.* [Leaders of the revolutionary movement in Russia. The reference book and electronic database. The second half of the 1850s – 1890s]. Vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 287–288.
5. Gapochko, L.V. & Starostin, E.V. (1973) Arkhiv, P.A. i A.A. Kropotkin [The Archive of P.A. and A.A. Kropotkin]. In: Solovyeva, N.L. (ed.) *Zapiski otdela rukopisey GBL* [Notes from the Manuscript Department of Russian State Library]. Issue 34. Moscow: Gosudarstvennaya biblioteka im. V.I. Lenina. pp. 5–70.
6. Pirumova, N.M. (1972) *Petr Alekseevich Kropotkin* [Petr Alekseevich Kropotkin]. Moscow: Nauka.
7. Stepanyak-Kravchinskiy, S.M. (1987) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literature. pp. 20–338.
8. *State Archives of the Tomsk Region*. Fund 104. List 1. File 1329.
9. Kropotkin, A.A. (1895) Sayanskiy khrebet i Minusinskiy okrug [Sayan ridge and Minusinsk district]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [The Picturesque Russia. Our fatherland in its territorial, historical, tribal, economic and everyday importance]. Vol. 12. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf. pp. 19–51.
10. Kon, F.Ya. (1902) *Istoricheskiy ocherk Minusinskogo mestnogo muzeya za 25 let (1877–1902 gg.)* [A historical outline of the Minusinsk local museum for 25 years (1877–1902)]. Kazan: Imperial University.
11. Belokonskiy, I.P. (1928) *Dan' vremeni. Vospominaniya* [A tribute of time. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-posalentsev.
12. Chudnovskiy, S.L. (1934) *Iz davnikh let. Vospominaniya* [From long ago. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-posalentsev.
13. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *“Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov* [“Sibirskaya Gazeta” in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: NTL.
14. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10655 /20.
15. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10 627 /9.
16. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10655 /19.